

Особенности речевых действий невзрослых носителей русского языка: «Фрагменты региональной субъективной аксиологии»

Л. О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия
larisabut@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования – показать фрагменты региональной субъективной аксиологии, выявив стратегии, примененные в ходе реагирования на стимулы, находящиеся в бинарных оппозитивных отношениях, – «добро / зло», «правда / ложь». Использован метод свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2023–2024 годы с респондентами 12–14 лет – учащимися школ и гимназий Омска. Результаты обобщены в виде ассоциативного поля, инструментом анализа которого стало понятие «речевое действие», позволившее выявить следующие стратегии семантизации: актуализация парадигматических отношений, персональной, профессиональной или социальной субъективизации, предметизации, атрибутирования, оценки, индивидуально-ассоциативного соотношения.

Ключевые слова: речевое действие, ассоциативный эксперимент, региональная аксиология, языковое сознание, опоры или стратегии семантизации

Для цитирования: Бутакова Л. О. Особенности речевых действий невзрослых носителей русского языка: «Фрагменты региональной субъективной аксиологии» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 9–18.

Original article

Features of Speech Acts of Non-adult Native Speakers of the Russian Language: “Fragments of Regional Subjective Axiology”

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia
larisabut@rambler.ru

Abstract. The aim of the research is to show fragments of regional subjective axiology, identifying the strategies used in responding to stimuli in binary oppositional relations – ‘good / evil’, ‘true / false’. A free association experiment conducted in 2023–2024 with students of Omsk schools and gymnasiums aged 12–14 was used to achieve it. The results were summarized in the form of an associative field. The tool for analyzing the associative field is the concept of “speech act”, which made it possible to identify the following semantization strategies: actualization of paradigmatic relations, personal, professional or social subjectivization, objectification, attribution, evaluation, individual-associative correlation.

Keywords: speech act, associative experiment, regional axiology, linguistic consciousness, supports or strategies of semantization

For citation: Butakova, L. O. (2025). Features of speech acts of non-adult native speakers of the Russian language: “Fragments of regional subjective axiology”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 9–18. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Комплексные и частичные модели языкового сознания представителей определенных социальных или возрастных групп остаются в поле зрения лингвистов, социо- и психолингвистов. Цифровые методы расширили возможности лингвистических реконструкций, задав «идентификационную» стилеметрическую линию, увеличив охват анализируемого материала, но не сняли остроты поиска параметров модели носителей языка, структур их сознания (вернее, в них параметры приобрели другой вид). См. анализ исследовательских областей в [Nguyen et al., 2016; Литвинова, 2022]. Особенно важен сбор массива данных в ситуации виртуального общения [Литвинова, 2019; Литвинова, 2022].

На фоне торжества дигитализации не перестает быть актуальным то, что было сделано «без цифрового» участия на массиве больших и не очень больших данных. В работах А. А. Залевской разработана концепция слова как достояния индивида и принципы анализа его значения сквозь призму эксперимента [Залевская, 2005, Залевская, 2011]. В. А. Пищальниковой предложен оригинальный вариант применения психологического понятия «речевое действие» к анализам результатов ассоциативного эксперимента [Пищальникова и др., 2019], проанализировано его современное состояние [Пищальникова, 2020], описаны возможности его применения для установления идентичности [Пищальникова и др., 2021]. Решение проблемы системно-языковой и когнитивной интерпретации результатов эксперимента, использование категории «психолингвистическое значение» предложены И. А. Стерниным [Стернин, 2020]. Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания незрелых носителей русского языка и коммуникаций, его формирующих, произведен Л. О. Бутаковой, Е. Н. Гуц, Е. А. Козловской [Бутакова, Гуц, Козловская, 2018]. Система исследовательских процедур разработана и применена для описания языкового сознания и языковой личности пожилого человека коллективом под руководством Л. О. Бутаковой [Бутакова и др., 2020], многоступенчатая методика моделирования языкового сознания подростка предложена Е. Н. Гуц [Гуц, 2005], вариант трендовых исследований субъективной семантики разработан Л. О. Бутаковой, Е. Н. Гуц [Бутакова, Гуц, 2024]. Этот же аспект исследований оценочной лексики представлен в новом качестве на основе применения психологической категории «образ мира» [Бутакова, Гуц, 2025]. Базовые ценности носителей русской культуры отражены в экспериментальном проекте «Базовые ценности¹, а

также в исследованиях, направленных на создание интерактивной карты базовых ценностей, установления идентичности [Пищальникова и др., 2021]. Моделирование ассоциативной грамматики русского языка задано Ю. Н. Карауловым [Караулов, 2010]. Категория языкового сознания носителей русского языка предложена и определена Е. Ф. Тарасовым [Тарасов, 2000]. Моделирование динамики феномена языкового сознания произведено Н. В. Уфимцевой [Уфимцева, 2011].

Очевидно, что у каждой модели есть свои возможности и ограничения, связанные с выбранным основанием и наличием речевых продуктов, по которым производится реконструкция речевой деятельности или языкового сознания. Возможности методологических процедур, объем ассоциативно-вербального материала (общероссийского и регионально ориентированного, собранного в несколько этапов в разные временные периоды) в психолингвистике далеко не исчерпаны. Речь идет о видах анализа ассоциативных полей (далее АП), основанного на понятии психоглоссы «как обладающего признаками доминантности смыслового образования, которое поэтому имеет вектор направленности» [Шапошникова, 2018, с. 269], связанного с поколенческими и групповыми моделями языковой личности, развитию ассоциативной типологии как фундаментальных положений, связанных с «системогенезом языка как достояния человека» [Шапошникова, 2024, с. 86], исследованиях трендового, синхронного и сопоставительного профиля, проводимых в Омской психолингвистической школе с использованием понятий «речевое действие», «стратегия семантизации» [Бутакова, Гуц, 2024; Бутакова, Гуц, 2025] и пр. Значительный методологический потенциал есть у теории опознавания языкового знака А. А. Залевской (понятие «опор» или стратегий семантизации, применяемое ученым, эффективно для оценки ассоциативного поведения носителей языка или билингвов). В рамках данной теории может быть выделен любой аспект описания ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) респондента, в том числе как фрагмент его языкового сознания. В зависимости от места проведения экспериментов, их типа и широты охвата аудитории можно варьировать описываемый аспект и говорить о тех или иных тенденциях, касающихся организации и связей в ментальном лексиконе носителей языка.

Актуальность предлагаемого исследования определяется принадлежностью к направлению реконструкции значения как достояния индивида, ориентацией на экспериментальный подход к его моделированию, применением к полученному материалу категории «речевое действие»,

¹Базовые ценности носителей русской культуры. М.: ИЯ РАН, 2019.

необходимостью выявить региональные особенности субъективной аксиологии. Его новизна связана с применением понятия «региональная субъективная аксиология», а также с вводимым в научный оборот материалом, полученным автором в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Респонденты – учащиеся школ и гимназий г. Омска 12–14 лет, количество участников 263, получено 1052 реакции на четыре анализируемых стимула. Форма предъявления анкет – письменная, давалась инструкция: отреагировать на каждый стимул первым приходящим в голову словом.

Проведение указанного эксперимента обеспечивало получение синхронного материала для моделирования фрагментов региональной субъективной аксиологии. Элементы статистического анализа были использованы для установления частотности и «веса» реакций в составе АП, тем самым решалась задача определения состава и структуры каждого АП. Установление типа связи стимулов и реакций, стратегии семантизации, примененной респондентом, производилось с помощью применения понятия «речевое действие».

Речевая деятельность невзрослых жителей региона на основе указанного материала представлена в парадигме теории значения слова как «средства познания и общения» А. А. Залевской [Залевская, 2005, с. 231–233], лексики человека как функциональной динамической системы [там же, с. 436]. Были применены понятия «стратегия семантизации», «речевое действие». Последнее введено А. Н. Леонтьевым, развито в российской психолингвистической школе [Степыкин, 2021], понимается как «одновременно и способ предсказания, представляющий личностный смысл, и средство предсказания, установленное внутренней формой языка» [Пищальникова, 2020, с. 10].

Для предлагаемого анализа не случайно были выбраны оппозитивные языковые знаки, представляющие сферу аксиологии. Постулировалось частичное сходство способов семантизации в процессе реагирования на фоне смысловой дифференциации фрагментов АВС, связанных с данными стимулами. Территориальное ограничение экспериментальной базы (проведение экспериментов в г. Омске) определило региональный аспект исследования. Описание семантики языкового знака как достояния индивида позволило говорить о региональной субъективной аксиологии и ее фрагментах.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Стимул «добро» вызвал разнообразие стратегий (от актуализации парадигматических отношений

до опоры на описание действия-ситуации, см. схему 1, табл. 1). Тенденция несимметричного формирования оппозитивных областей АВС проявляется в разной активности выбора тех или иных опор и определенном качественном заполнении смысловых полей. Это заметно на уровне семантики. При высокой частотности стратегии выбора оппозитивов / симиляров в качестве реакций на абстрактный аксиологический стимул «добро» их состав невелик. Выбор оппозитивов при реагировании на стимулы «добро» / «зло» практически совпадает количественно (зло 33 р / добро 31 р), что создает линию равновесия «взаимной обратимости» стимулов-реакций.

Схема 1

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ДОБРО»

1. Через симиляры-оппозиты:

зло (33); добро (7); позитив (3); доброта (2); не зло (2); и зло; добродушее¹ (49 р = 18,6 %)

2. Через персональную субъективизацию:

Аня; Аня Быкова и Аня Акимова; Варя; Верность; Дима; Днс; Единая Россия; Россия; Оби-Ван; Путин; Россия; Саша; США; Чебурашка (14 р = 5,3 %)

3. Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию:

я (7); друг (4); семья (3); родители (2); музыкальная группа (2); благотворительный фонд; бог; валантеры; группа; дети; детский сад; друзья; добрый чел; Калифорний, уран, ртуть и диспрозий♥; комфортный человек; мама; муж; кто делает что-то хорошо; кто?; не я; небожитель; родные; радуга; человек (2); человек который всем помогает; человек сделал какое то доброе дело (40 р = 15,2 %)

4. Через предметизацию – качества, состояния:

мир (7); радость (5); помощь (4); счастье (4); дружба (3); поступки (3); поступок (3); свет (3); доброта (2); хороший поступок (2); бескорыстность; благотворительность; верность; вкусоности; возмездие; деньги; доброе дело; добрые поступки; дпужилюбность; дружелюбие; жертва; объятия; обязательность; ответ; отзывчивость; добродушее; волонтерство; либерализм; любовь; мораль; приятное дело; помощь людям; признание; сказка; сок; умение понимать и помогать; то что можно сделать; хорошее качество; честность; что то хорошее; что-то приятное;

¹Здесь и далее в схемах и при цитировании сохранены пунктуация, графика и орфография респондентов.

чувство; щедрость; это когда ты помогаешь; это то что в чём вы помогаете; это что хорошее (73 р = 28 %)

5. Через действия-ситуации:

пожаловать (5); побеждает зло (2); делает нас сильнее; возвращается; побеждает; проигрывает; когда поделились чипсами; когда помогаешь людям; когда разрешили проехать на автобусе бесплатно; когда ты что-то хорошее сделал; помогают маме, папе, сестре, брату; помочь коту или человеку; сказать продавщице без сдачи а она ответила у вас не хватает; существует; улыбнулся (20 р = 7,6 %)

6. Через признак:

добрый (2); не плохой; положительный; приятное; расслабленный; частливый; милый; милый, хороший (9 р = 3,4 %)

7. Оценка:

Хорошо (9); Позитив (3); За***сь; Правильно; это главное; Это хорошо; Это что хорошее (17 р = 6,4 %)

8. Ассоциации:

Beautiful; teuflisch;); А; Безвозмездно; Белый цвет; Вообще такой тип, который в общем такой весь из себя скромни добри; Да; Дал подруге 100 рублей; Делай добро ,а оно вернётся; есть; Злр; папоротник; Резинка; Спасибо; Существует; я сама доброты. не верите умрите; о.о.о (18 р = 6,8 %)

Стратегия персональной субъективизации была реализована с помощью имен, фамилий знакомых и друзей, а также названий партий, стран, фамилий глав государств, героев детской литературы – Единая Россия, Россия, США, Путин и Чебурашка. Персонификация добра вылилась в стратегию качественной или профессиональной связанности стимула со сферой друзей, членов семьи, человека, но данная стратегия не является высокочастотной. При выборе опор опознавания стимула значительно преобладает опора на «предметы» абстрактного типа – качества, состояния, ценности и пр. Набор таких предметных опор обширен. В рамках указанной стратегии выбирались развернутые способы реагирования:

то что можно сделать; что то хорошее; что-то приятное; это когда ты помогаешь; это то что в чём вы помогаете; это что хорошее.

К «сигналам оптимизма» могут быть отнесены в данной части АВС респондентов реакции с социально-значимым потенциалом:

бескорытность; благотворительность; волонтерство; либерализм, мораль.

Стратегия опираться в ходе реагирования на действия и ситуации не столь частотна, как другие, но показывает стремление респондентов либо обратиться к стереотипным речениям, отражающим культурные сценарии:

пожаловать (5); побеждает зло (2); делает нас сильнее; возвращается; побеждает; либо описать сценарий действий – когда поделились чипсами; когда помогаешь людям; когда разрешили проехать на автобусе бесплатно; когда ты что-то хорошее сделал; помогают маме, папе, сестре, брату; помочь коту или человеку; сказать продавщице без сдачи а она ответила у вас не хватает.

Сигналы «тревожности» в АП стимула 'добро' обнаруживаются при выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор, связаны с разговорными, обценными – *позитив* (3); *за***сь*; иноязычными и графическими реакциями – *Beautiful*; *teuflisch*;); о.о.о.

Стимул «зло» связан, как и его оппозит, с аналогичными способами опор. Набор реакций симилятивного и оппозитивного типа не отличается разнообразием. Среди реакций, реализующих стратегию персональной субъективизации, традиционны фамилии и имена друзей, одноклассников. К сигналам «повышенной тревожности» можно отнести реакции – *США*; *Хэди*; *Украина*. Такие же настораживающие реакции есть при выборе стратегии качественной или профессиональной субъективизации – *школа* (2); *евреи*; *мама*, *математика*; *физичка*.

Схема 2

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ЗЛО»

1. Через симиляры-оппозиты, повтор

добро (31); зло (11); злость (2); и добро; не добро; не доброжелательность; недоброжелательность (48 р = 18,2 %)

2. Через персональную субъективизацию

Бражник (2); Алина; Дима; Дота 2; Иван золо; Люба; Миша; Роблокс; США; Хэди; Украина; Фашенко; Мирон (14 р = 5,3 %)

3. Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию

враг (6); люди (2); месть (2); не я (2); я (2); вы; школа (2); евреи; класс; макака; мама, математика;

Матрешка рп и гранд мобиле; мой друг; обманщик; физичка; плохое чувство; это какое либо плохое дейсвие; это такой сын; это кто-то не хошое (30 р = 11,4 %)

4. Через предметизацию – качества, состояния
агрессия (3); гнев (3); зависть (3); плохой поступок (3); злость (2); убийство (2); эмоции (2); алкоголь; безвыходность; боль; война; вред; героин; грусть; дача; есть заблуждение; книга; коварство; кров; лень; мошенничество; мультик; наркотики; недуг; обида; отчуждение; пессимизм; плохое чувство; порча имущества; поступки; предательство; рабство; ремень; репрессии; сказка; слова; ссора; судьба; тьма; удар; холод; что можно совершить другому человеку; порча имущества; чувство человека; электрофорез; какая-то неприятность; когда ты злох (61 р = 23,2 %)

5. Через действия-ситуации
грубить; не помогать; делаем; наступает; не всегда таковым является; нужно наказать; омрачает; отвергать; побеждает добро; совершить другому человеку; проиграет; рассердится; это когда ты решил кому то сделать плохо; добро побеждает зло (14 р = 5,3 %)

6. Через признак
красный (2); быть корыстным; вредно; доброе, плозое; плохой; повсюду; скрыто; хмурый (10 р = 3,8 %)

7. Оценка
плохо (20); фууу (2); нет; нету; норм; попа; ужасно; фуфufу; хз (29 р = 11 %)

8. Ассоциации
не знаю (2); с домом; Angr; Gut; No way this bro started his own villain arc 🤪🤪🤪; А; грез; дей; его нет; зачем такие вопросы?; зеркало; нинаю; огонь; швьвутути; я хочу косп на таксиста. читайте эрху; لقيار تغف د ب . (18 р = 6,8 %)

Самой частотной стратегией является стратегия предметизации, связанная с наименованием качества, состояния и предметов, их обеспечивающих. Реализация стратегии происходит за счет широкого круга наименований состояний, эмоций, отношений, качеств человека и пр. Описаний сценариев действий в реакциях минимальны:

это какое либо плохое дейсвие; какая-то неприятность; когда ты злох.

Стратегия опоры на описание действий или ситуаций реализована с помощью лексики, передающей действия субъекта и действия того, что названо стимулом:

грубить; не помогать; делаем; наступает; не всегда таковым является; нужно наказать; омрачает; отвергать; побеждает добро.

Речения, отражающие культурные сценарии, единичны.

Таблица 1

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ДЛЯ ОППОЗИТОВ «ДОБРО / ЗЛО»
В СОПОСТАВЛЕНИИ

Стратегия	Стимул 'добро'		Стимул 'зло'	
	Объем (раз)	Объем (в %)	Объем (раз)	Объем (в %)
Актуализация сист отнош (оппозиты / симиляры)	49	18,6	48	18,2
Субъективизация персональная	14	5,3	14	5,3
Субъективизация кач / проф	40	15,2	30	11,4
Предметизация	73	28	61	23,2
Действий, ситуации	20	7,6	14	5,3
Признак	9	3,4	10	3,8
Оценка	17	6,4	29	11
Ассоциации	18	7,5	18	6,8
Отказы	23	8,7	39	14,8

При выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор использовались междометные – *фууу* (2); *фуфуфу*, разговорные – *пона*; *хз*; иноязычные реакции и графические знаки – *Angr*; *Gut*; *No way this bro started his own villain arc* 🤔🤔🤔; *لقيلار تغف* دب.

Реагирование на стимул «правда» отличается от реагирования на все описанные стимулы отсутствием выбора стратегии персональной субъективизации (см. табл. 2). Стратегия опоры на симиляры и оппозицы достаточно востребована за счет высокой частотности нескольких реакций, особенно это касается оппозицы «ложь». Заметна значительная асимметрия: на стимул «правда» оппозицы *ложь* является реакцией в 36 случаях, на стимул «ложь» оппозицы *правда* был выбран только 20 раз. Опора на качественную или профессиональную субъективизацию редка, связана в том числе с проявлением эмоций – *сестра* (2); *друзья*; *друзьяшки* 😊😊. Частотна опора на предметизацию качества, состояния, переданных с помощью наименований конкретных и обобщенных качеств, эмоций личности:

честность (12); боль (2); искренность (2); а грусть; легкость; любовь; радость; проявлений характера – сила (4); добро (3); верность (3); смелость; прямолинейность; деятельностных состояний – облегчение; очищение; признание; жизнь; или действие (3); действие (2) и др.

Сценарный характер реагирования при реализации стратегии редок – *это верный ответ; это когда тебе не соврали*. Он пересекается с выбором в качестве опоры описаний речевых действий или ситуаций, с ними связанных (к этой стратегии респонденты прибегали также редко 4,3 %):

говорить правду (2); не врать (3); говорить всегда; когда кто то говорит что есть облегчает; только было.

Опора на оценочное представление стимула связана с выбором наречий, передающих позитивную оценку, – *хорошо* (11); *верно* (2); *классно*; *круто*; *чудесно*. Амбивалентные, сценарные, персональные представления выступили в качестве средств реализации опоры на признак:

горькая (4); за мной (2); моя (2); болезненна; в добре; в героине; в правде сила; в том что я знаю все китайские новеллы; горькая; горькая, но лучше сладкой лжи.

Заметна тенденция передавать признак сочетанием существительного с предложением.

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ПРАВДА»

- 1. Через симиляры-оппозиты, повтор**
ложь (36); правда (10); истина (10); не правда (5) вранье; достоверность; истинность; нет ложь; откровенность (56 р = 24,3 %)
- 2. Через персональную субъективизацию**
нет
- 3. Через качественную или профессиональную субъективизацию=идентификацию**
я (3); сестра (2); детектор лжи 2.0; друг; друзья; друзьяшки 😊😊; лоб; обезьяна; молодец (12 р = 5,2 %)
- 4. Через предметизацию – качества, состояния**
честность (12); сила (4); добро (3); или действие (3); верность (3); боль (2); искренность (2); действие (2); а грусть; жизнь; легкость; любовь; облегчение; очищение; признание; прямолинейность; радость доверие; смелость; содеянное; справедливость; счастье; что-то; это верный ответ; это когда тебе не соврали (47 р = 20,4 %)
- 5. Через действия-ситуации**
говорить правду (2); не врать (3); не знаю (2); говорить всегда; когда кто то говорит что есть облегчает; только было (10 р = 4,3 %)
- 6. Через признак**
горькая (4); за мной (2); моя (2); белый цвет; болезненна; в добре; в героине; в правде сила; в том что я знаю все китайские новеллы; горькая; горькая, но лучше сладкой лжи; комсомольская; лучше; лучше лжи; лучше чем ложь; не всегда; не приятная; ни в чем; русская; сладкая ложь; точна?; точный ответ; хорошая чушка но не всегда в твою пользу; хорошее качество; хороший (33 р = 14,3 %)
- 6. Оценка**
хорошо (11); верно (2); классная вещь; классно; круто; не варя; тяжело; хорошая чушка но не всегда в твою пользу; хорошее качество; хороший; чудесно; это хорошо (23 р = 10 %)
- 7. Ассоциации**
а; врыттытв; да; ее нет; к; какая; лм; нет; нету когда кто то говорит что есть; прив тян го чилить; рубашка; рыба; сила в; сила в правде брат; сюда; точка зрения; юа; Hütte (19 р = 7,7 %)

При выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор использовались сочетания графем, цитата из одноименного фильма, иноязычное слово.

Схема 4

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ЛОЖЬ»

- 1. Через симиляры-опозиты, повтор**
правда (20); вранье (17); не правда (13); обман (13); ложь (3); предательство (3); хорошая вещь; это чистая правда; правда в кавычках; минус доверие; ответ (74 р = 28 %)
- 2. Через персональную субъективизацию**
Зоя (2); Алина; Андрей; Валера; Варя; Катя; Дима и Мирон; Люба (9 р = 3,4 %)
- 3. Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию**
Дед мороз; лжец; лох; врач; маме; динозавр; враг; не я (2); я (10 р = 3,8 %)
- 4. Через предметизацию – качества, состояния**
грех (6); зло (5); боль (2); вина; вред; грехи; выбор; злость; огорчение; ошибка; результат; слабость; стресс; недосказанность; паприка; детектор (2); детектор лжи; зеркало; красота; лабиринт; добро (32 р = 12,1 %)
- 5. Через признак**
плохой (2); отрицательное; плохое качество; плохой поступок; черный; едка; моя (8р = 3,4 %)
- 6. Через действия-ситуации**
врать (2); вру; не знаю; не надо; не одобряю; не поможет; нельзя лгать; обманывать; скрывать;

страх быть непонятым; то что иногда может спасти, отрезание рук; друг нае****л на сотку; глаза не врут; очернить (16 р = 6 %)

7. Оценка

плохо (10); во благо (5); это вранье (2); не правильность; неверно; это плохо; это хорошо; может быть прекрасна; подло; необходимость; неотъемлемость; негатив (2); ужас; грязь (29 р = 11 %)

8. Ассоциации

5 по матеше, неправда, без неё никак, везде, да, долой, есть, лод, любая ложь всегда раскроется, нет, нет такого, нет нету, паль, не всегда, правдв, рен тв, типо не правда, ты, у васс, украинская ложь, фу, фуу, хайп, харам, чуть, я гу юнь кинни, wahrheit (27 р = 10,3 %)

В ходе реагирования на стимул «ложь» обнаружилось много отказов, как и на стимул «правда» (см. схему 3, табл. 2). Опора на актуализацию системных отношений в качестве стратегии реагирования является преобладающей среди всех стратегий реагирования на все рассмотренные стимулы, что доказывает наибольшую ее актуальность. Причем частотны обращения не только к оппозиту, но и ряду симиляров экспрессивного и нейтрального типа.

Стратегия персональной субъективизации была востребована редко (3,4 %), связана с именами друзей. Качественная или профессиональная субъективизация также редка, означена наименованиями реальных – лжец; лох; врач; враг; не я – и ирреальных – Дед мороз; динозавр – фигур. Стратегия опоры на предметизацию может быть квалифицирована как «средневостребованная» (12,1 %). При такой ее актуальности важна широта привлекаемых слов – наименований качеств, свойств, состояний.

Таблица 2

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ДЛЯ ОППОЗИТОВ «ПРАВДА / ЛОЖЬ» В СОПОСТАВЛЕНИИ

Стратегия	Стимул 'правда'		Стимул 'ложь'	
	Объем (раз)	Объем (в %)	Объем (раз)	Объем (в %)
Актуализация системы отношений (оппоз. / сим.)	56	21,3	74	28
Субъективизация персональная	–	–	9	3,4
Субъективизация кач. / проф.	12	5	10	3,8
Предметизация	47	18	32	12,1
Действий, ситуации	10	3,8	16	6
Признак	33	13	8	3,4
Оценка	23	9	29	11
Ассоциации	20	7,6	27	10,3
Отказы	62	24	58	22

Стратегия опоры на признак была мало востребована, реализована с помощью прилагательных, передающих отрицательную оценку. Интересно, что оценочная стратегия как таковая применялась чаще, характер оценки – амбивалентный с перевесом в негативную сторону:

плохо (10); это вранье (2); не правильность; неверно; это плохо; подло; негатив (2); ужас; грязь // во благо (5); это хорошо; может быть прекрасна; необходимость; неотъемлемость (20 р = 7,6 % // 9 р = 3,4 %).

Опора на действия-ситуации выбиралась не очень часто (6 %), но ее реализация вовлекла разговорные глаголы-наименования действия, связанного со стимулом, – *врать* (2); *вру*; модальные высказывания – *не надо*; *не одобряю*; *не поможет*; *нельзя лгать*; *иногда может спасти*, описание ситуаций (в том числе жаргонное) – *отрезание рук*; *друг нае***л на сотку*. Традиционно для описываемого эксперимента разнообразно воплощение

индивидуальных ассоциаций через разговорные выражения и жаргонные слова – *5 по матеше*; *паль*; *хайп*; *харам*; игру слов – *правдв*; *лод*, *я гу юнь кинни*; *у васс*; междометия – фу; фуу; немецкий опозит – *wahrheit*. Сигналы «повышенной тревожности» связаны с социальной персонификацией лжи – РЕН ТВ, украинская ложь.

При реагировании на оппозитивные аксиологические стимулы была зафиксирована тенденция опираться на повторы стимула в одиночном варианте или фразовом, однокоренные дериваты и словоформы. Частотность таких опор различна в качественном и количественном отношении (см. табл. 3). В количественном отношении указанный тип реагирования преобладает для стимулов (в порядке убывания) «правда», «добро», «зло». Тенденция не столь активно используется, как, например, в иноязычной аудитории [Тао, 2024], но ее устойчивость указывает на востребованность подобного типа семантизации стимула и несформированность у определенной группы респондентов иных отношений в АВС.

Таблица 3

ПОВТОРЫ СТИМУЛА И ЕГО ДЕРИВАТОВ ПРИ ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ РЕАГИРОВАНИЯ

	Добро		Зло		Правда		Ложь	
Повторы стимула	добро	7	зло	11	правда	10	ложь	3
	доброта	2	злость	2	неправда	5	лжец	
	добрый	2	добро побеждает		говорить правду	2	нельзя лгать	
	добродушее		зло		в правде сила		любая ложь всегда	
	добрый чел				сила в правде брат		раскроется	
	добра нет							
	доброе дело							
добрые поступки								
Объем	Повтор	7	Повтор	11	Повтор	10	Повтор	3
	Дериваты	7	Дериваты	2	Дериваты	5	Дериваты	1
	Фразы	3	Фразы	1	Фразы	4	Фразы	2
Всего	17		14		19		6	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что фрагменты региональной субъективной аксиологии могут быть представлены в виде моделей, созданных экспериментальным путем с помощью использования стимулов, находящихся в бинарных оппозициях.

Со стимулами «добро / зло», «правда / ложь» в сознании незрелых носителей русского языка связаны наборы смысловых структур пересекающегося типа, которые при реагировании проявляют стратегии семантизации, сходные частично. Последнее проявляется в несимметричности выбора опор опознавания знака на фоне сходных

стратегий, обусловленных частью речи и характером значения стимула.

Для рассматриваемых пар актуальны стратегии выбора единиц узальной парадигматической области (опозитов / симиляров), персональной субъективизации, профессиональной или социальной субъективизации, предметизации, атрибутирования, оценки, индивидуально-ассоциативного соотнесения.

Стабильные зоны каждой аксиологической области связаны с устойчивостью отношений по симилятивным и оппозитивным, признаковым и предикативным линиям, устойчивостью повторов, дериватов стимулов.

Динамика смысловых областей обеспечивается появлением графических знаков, слов других языков, идеологически окрашенных реакций, не выходящих за границы единичных употреблений, обладающих потенциалом речевой агрессии, социальной или национальной конфликтогенности.

Различия оппозитивных аксиологических смысловых областей состоят в преобладании значимости области действий, ситуаций у стимулов «добро / зло», отсутствии области персональной субъективизации у стимула «правда», важности области предметизации для стимулов «правда / ложь».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nguyen D. [et al.] Computational Sociolinguistics: A Survey / D. Nguyen, A. S. Dođruöz, C. P. Rosé, F. de Jong // Computational Linguistics. 2016. № 42 (3). P. 537–593.
2. Литвинова Т. А. Стилеметрическая идентификация автора. Воронеж: Истоки, 2022.
3. Литвинова Т. А. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 7 (25). С. 6–11.
4. Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания // Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 215–234.
5. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской государственный университет, 2011.
6. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова и др.; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2019.
7. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. № 1. С. 17–29.
8. Пищальникова В. А. [и др.]. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, Н. И. Степыкин, А. И. Хлопова / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021.
9. Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–126.
10. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Наука, 2018.
11. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование / Л. О. Бутакова и др.; под ред. Л. О. Бутаковой и Н. В. Орловой. Омск: Амфора, 2020.
12. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005.
13. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1 (59). С. 36–59.
14. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Особенности идентификации слов незрелыми носителями русского языка: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. 2025. № 1 (63). С. 44–62.
15. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
16. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 24–32.
17. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
18. Шапошникова И. В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273.
19. Шапошникова И. В. К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 86–109. DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110.
20. Степыкин Н. Н. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
21. Тао Е. Субъективная семантика слов русского языка в языковом сознании обучающегося билингва: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2024.

REFERENCES

1. Nguyen, D., Dođruöz, A. S., Rosé, C. P., Jong, F. de. (2016). Computational Sociolinguistics: A Survey. Computational Linguistics, 42(3), 537–593.
2. Litvinova, T. A. (2022). Stilemetricheskaja identifikacija avtora = Stylometric identification of the author. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
3. Litvinova, T. A. (2019). Idiolect as an object of corpus idiolectology: towards the formation of a new linguistic direction. Memoirs of Novgorod State University, 7 (25), 6–11. (In Russ.)
4. Zalevskaya, A. A. (2005). Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniya =The meaning of the word and the possibilities of its description. In Zalevskaja A. A. Slovo. Tekst. Izbrannye Trudy (pp. 215–234). Moscow: Gnosis. (In Russ.)
5. Zalevskaya, A. A. (2011). Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta =The meaning of the word through the prism of experiment. Tver: Tver State University. (In Russ.)

6. Pishchalnikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj jeksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki = Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics / ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
7. Pishchalnikova, V. A. (2020). Jeksperimental'noe psiholingvisticheskoe issledovanie znachenija slova: nereshennye problemy = Experimental psycholinguistic study of word meaning: unsolved problems. Proceedings of the Southwest state university Series: Linguistics and Pedagogy, 1, 17–29. (In Russ.)
8. Pishchalnikova, V. A., Adamova, Z. G., Stepykin, N. I., Khlopova, A. I. (2021). Psiholingvisticheskij jeksperiment i issledovanie identichnosti = Psycholinguistic experiment and study of identity / Ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
9. Sternin, I. A. (2020). Interpretation problems of associative experiments. Journal of Psycholinguistics, 3 (45), 110–126. (In Russ.)
10. Butakova, L. O., Guts, Ye. N., Kozlovskaya, Ye. A. (2018). Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: kompleksnyj analiz cennostnyh fragmentov jazykovogo soznaniya i institucional'nyh kommunikacij = Childhood in the discursive space of the region: a comprehensive analysis of value fragments of linguistic consciousness and institutional communications. Omsk: Publishing House Science. (In Russ.)
11. Butakova, L. O. et al. (2020). Pozhiloj chelovek v sovremennyh russkojazychnyh diskursah: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie = An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic study / ed. by L. O. Butakova, N. V. Orlova. Omsk: Amphora LLC. (In Russ.)
12. Guts, Ye. N. (2005). Psiholingvisticheskoe issledovanie jazykovogo soznaniya podrostka = Psycholinguistic study of the linguistic consciousness of a teenager. Omsk: Variant-Omsk. (In Russ.)
13. Butakova, L. O., Guts, Ye. N. (2024). Obraz mira skvoz' prizmu ocenочноj leksiki: trendovoe issledovanie = The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: a trend study. Journal of Psycholinguistics, 1(59), 36–59. (In Russ.)
14. Butakova, L. O., Guts Ye. N. (2025). Osobennosti identifikacii slov nevzroslymi nositeljami russkogo jazyka: trendovoe issledovanie Features of word identification by non-adult native speakers of the Russian language: a trend study. Journal of Psycholinguistics, 1(63), 44–62. (In Russ.)
15. Karaulov, Y. N. (2010). Associativnaja grammatika russkogo jazyka = Associative grammar of the Russian language. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
16. Tarasov, Ye. F. (2000). Aktual'nye problemy analiza jazykovogo soznaniya = Topical problems of the analysis of linguistic consciousness. In Ufimtseva, N. V. (Ed.), Jazykovoe soznanie i obraz mira. consciousness = Linguistic consciousness and image of the world (pp. 24–32). Collection of articles. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. (In Russ.)
17. Ufimtseva, N. V. (2011). Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' = Language consciousness: dynamics and variability. Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
18. Shaposhnikova, I. V. (2018). Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments). The Siberian Journal of Philology, 3, 255–273. (In Russ.)
19. Shaposhnikova, I. V. (2024). K associativnoj tipologii v kontekste izuchenija jazyka kak dostojanija cheloveka = Towards associative typology in the context of studying language as a human asset. Journal of Psycholinguistics, 3(61), 86–109. (In Russ.)
20. Stepykin, N. N. (2021). Rechevoe dejstvie kak psiholingvisticheskij mehanizm porozhdenija i aktualizacii smysla = Speech action as a psycholinguistic mechanism for generating and actualizing meaning: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
21. Tao, Ye (2024). Subjective semantics of Russian words in the linguistic consciousness of a bilingual learner: PhD thesis in Philology. Omsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутакова Лариса Олеговна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций
 Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Butakova Larisa Olegovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Russian Language, Literature and Document Communications
 Omsk Dostoevsky State University

Статья поступила в редакцию	05.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication